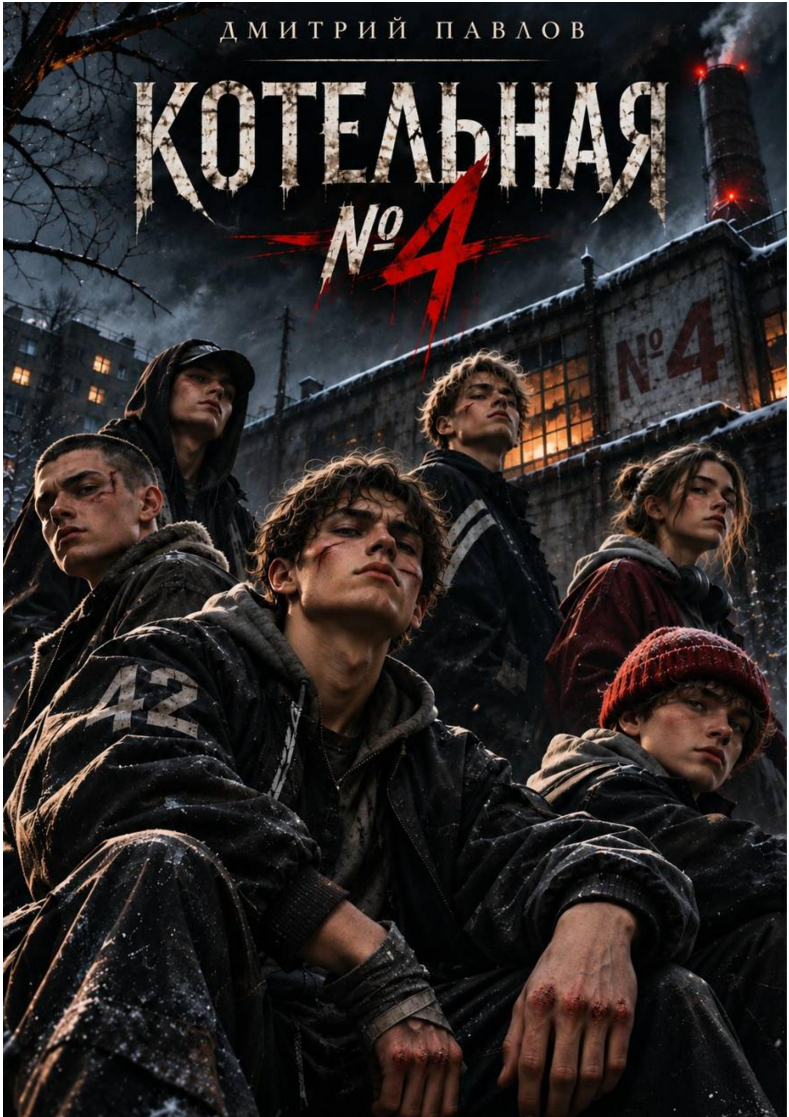

ДМИТРИЙ ПАВЛОВ
КОТЕЛЬНАЯ
№4
№4
42

Дмитрий Павлов
Котельная #4

https://litres.ru/74752198
SelfPub; 2026

Аннотация

В Красноборске у каждого двора свои законы. Здесь дружат со своими, дерутся с чужими и никогда не переходят Линию без причины.

Но в ночь первого снега обычная подростковая разборка оборачивается кошмаром.

Тринадцатилетний Тёма по прозвищу Снегирь спускается на спор в заброшенную котельную 4 — и исчезает.

Наутро его не помнит никто. Даже родная мать. Исчезают фотографии, вещи и любые доказательства того, что мальчик когда-либо существовал.

Только восемь подростков знают правду. Восемь человек из трёх враждующих компаний, которые ещё вчера готовы были разбить друг другу лица.

Теперь им придётся стать одной командой.

Потому что под котельной кто-то считает детей. И потому что с каждым днём снег тает, а вместе с ним исчезает последний шанс вернуть Тёму.

У них есть время до оттепели.

И одна страшная тайна, которую взрослые предпочли забыть.

«Котельная 4» — атмосферный мистический роман о дворовой дружбе, вражде, взрослении и тех, кого мир однажды решил вычеркнуть.

Содержание

Котельная №4 5
О книге 6
Действующие лица 7
Часть первая. Счёт 10
Глава 1. Первый снег 10
Глава 2. Мальчик, которого не было 16
Глава 3. Перемирие до рассвета 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Дмитрий Павлов
Котельная #4

Котельная №4

Nov 10, 2026 · @Dmitry

О книге

В ночь первого снега в спальном районе Красноборска исчезает тринадцатилетний Тёма Морозов, и к утру о нём не помнит никто, кроме восьми подростков. Они враги, и у них есть время до оттепели.

Главы рассказывают по очереди сами герои: Глеб, Лиля, Костя, Вика, Паша, Руслан и, в самом конце, Тёма.

Жанр: городская мистика, подростковый роман. Место: вымышленный город Красноборск, район Заречье. Время: наши дни, ноябрь.

Действующие лица

Сорок вторые (дом 42 по улице Мира)

•

Глеб Воронов, «Грач», 16.

Вожак. Кличка досталась от отца.

•

Павел Жуков, «Пчела», 15.

Лучший друг Глеба, шутит, когда страшно.

•

Денис Корнилов, «Дэн», 16.

Молчун, возит всех на скутере.

•

Артём Морозов, «Снегирь», 13.

Для своих просто Тёма. Кличку получил за красную шапку с помпоном. Младший брат Лили.

Гаражные (ГСК «Заря»)

•

Руслан Хабиров, «Рус», 17.

Вожак Гаражных.

•

Лилия Морозова, 15.

Без клички. Чинит мопеды лучше любого парня.

•

Марат Гизатуллин, «Малой», 14.

Самый младший у Гаражных.

•

Шкаф.

Длинный, молчаливый, настоящее имя никто не использует.

Девятка (школа №9)

•

Константин Белов, «Монах», 16.

Отличник, бывший алтарник. Кличка от отца.

•

Виктория Орлова, 16.

Без клички. Ведёт блокнот, в котором записан весь район.

Взрослые

•

Ирина Павловна Ливанова, 58.

Библиотекарь. Её сын Серёжа пропал в 1994 году.

•

Пятеро из 1994-го:

Игорь Воронов («Грач»), Ринат Хабиров, Вадим Корнилов, Олег Орлов и Александр Белов («Монах»), теперь отец Георгий.

•

Гульнара Морозова.

Мать Лили и Тёмы, медсестра.

•

Кочегар.

Облик Извода.

Часть первая. Счёт

Глава 1. Первый снег

Глеб

Снег лёг в пятницу, шестого ноября, и за один вечер Заречье стало похоже на район, у которого отобрали все цвета, а потом из жалости вернули один.

Я сидел на спинке лавки в беседке, ботинки на мокром сиденье, и смотрел на двор. Дом сорок два стоит буквой «Г»: три подъезда, один фонарь. Фонарь горит через раз, и мы давно перестали это замечать. Как и многое другое.

— Не лепится, — сообщил Пчела с детской горки.

— Потому что мокрый.

— Потому что снег кривой. В прошлом году был нормальный.

— В прошлом году ты тоже ныл.

Он хмыкнул и бросил свой недоснежок в сторону гаражей. Тот не долетел и шлёпнулся на асфальт серой лепёшкой.

За дорогой начиналась чужая земля. Мы называли это Линией: девять метров потрескавшегося асфальта между нашим последним подъездом и первым боксом кооператива «Заря». Мы к ним не ходим, они к нам. Никто не помнит, кто это решил. Просто так было всегда, как то, что вода мокрая.

В октябре Гаражные раздолбали наш подвал. Не ограбили, брать там было нечего. Просто выломали дверь, порезали диван и написали краской на стене слово, которое я до сих пор не хочу вспоминать. Через два дня Дэн с Пчелой подловили Малого из Гаражных у остановки. Разбитая губа, разбитые очки, и каждый получил своё.

Девятка сидела в стороне и ждала. Они всегда ждут, пока кто-нибудь первым сделает глупость.

Сегодня глупость назначили на полночь.

— Рус написал? — Дэн вышел из подъезда, застёгивая куртку.

— Котельная, в двенадцать. Все три двора.

— С Девяткой?

— Он хочет, чтобы Монах смотрел. Чтобы потом никто не сказал, что было нечестно.

— Честно, — повторил Дэн, и слово у него во рту прозвучало как таблетка без сахара.

И тут из-за беседки вынырнул Тёма.

Красная шапка с помпоном натянута по самые брови: мать пришивала помпон накануне и, кажется, хотела, чтобы он потерялся последним. Тринадцать лет, глаза как у человека, который заранее решил обидеться. Мы звали его Снегирём. Он появился во дворе в прошлом ноябре, в этой самой шапке, красный, как птица на ветке, и кличка прилипла сразу.

— Я иду, — сказал Снегирь.

— Нет, — сказали мы с Дэном в один голос.

— Я не мелкий.

— Мелкий. Иди домой, у тебя сестра в Гаражных, она мне голову оторвёт.

— Лиля не в Гаражных. Она сама по себе.

— Она их, — сказал Дэн. — Просто значок не носит.

Тёма посмотрел на меня. Я вздохнул, и это был первый раз за вечер, когда я принял неправильное решение.

— Ладно. Стоишь сзади и молчишь.

— Ага.

— Если что, бежишь домой. Без разговоров.

— Ага, — повторил он, и в этом «ага» было столько счастья, что я отвернулся.

Котельная №4 стоит на краю района, там, где асфальт сдаётся и начинается пустырь. Кирпичная коробка, труба с когда-то красным номером. Её закрыли в одиннадцатом, и с тех пор она ничья, то есть общая. В подвале ночуют бомжи, на втором этаже тусуются старшеклассники, а внизу, под котлами, по легенде, живёт Кочегар.

Пчела рассказывает про него так, будто они вместе учились.

— Крикнешь в шахту своё имя, — говорит он тонким торжественным голосом. — Если Кочегар запомнит, он ответит. Не эхом. Своим голосом.

— А дальше?

— Дальше можно попросить. Но не бесплатно.

Обычная байка. Мне её рассказали в восемь лет, и я давно перестал бояться. Бояться надо живых.

К полуночи у котельной собрались все. Нас шестеро, у стены, руки в карманах. Гаражных девять, и впереди Рус Хабиров, высокий, в чёрной куртке с поднятым воротом, как будто пришёл принимать парад. Девятка: четверо, чуть в стороне, будто зашли случайно. Костя Белов по прозвищу Монах разглядывал трубу над головой.

— Давайте без рук, — сказал он. — Если можно.

— Если можно, — передразнил Рус. — Монах, ты судья?

— Свидетель.

Мы говорили минут десять. Чья котельная. Кто тут раньше собирался. Голоса поднимались, как волны, и я ловил себя на том, что пересчитываю своих: кто слева, кто справа. Старая привычка. Не знаю, откуда она.

Когда дошло до оскорблений, Марат из Гаражных, вертлявый, с пластырем на губе, вытянул шею и посмотрел на Тёму, прячущегося за спиной Пчелы.

— А это ваш кто? Мелкий?

— Это мой, — сказал я.

— Твой. Небось и в котельную спуститься побоится.

— Не побоюсь, — сказал Тёма.

Все повернулись. Красный помпон качнулся.

— Тёма, — начал я.

— До трёх. Сам, один. Выйду раньше, Гаражные уходят с

этой стороны навсегда.

— А если не выдержишь? — спросил Рус, неожиданно мягко.

— Тогда мы уходим.

Я потом возвращался к этой секунде тысячу раз. Мог сказать «нет». Слово было готово, лежало на языке. Но я увидел довольное лицо Руса и подумал: пусть. Пусть пацан посидит полчаса, струхнёт, выйдет, и Гаражные скажут, что выиграли. Все разойдутся. Это же просто котельная. Просто подвал.

Вот так, одним «пусть», и делаются самые большие глупости в жизни.

Мы дошли до решётки, где раньше заезжали с углём. Один прут выломан, в чёрную дыру можно пролезть боком. Оттуда тянуло сыростью и чем-то сладковатым, как из старой батареи. Тёма включил фонарик на телефоне и обернулся.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Как будто я уже умер.

Он улыбнулся и нырнул вниз. Красная шапка мелькнула и пропала. Свет фонарика ещё немного ползал по стенам, а потом растворился.

Снег пошёл около часа. Густой, отвесный, без ветра, и огни района сквозь него размылись, как нарисованные.

Мы с Гаражными сидели по разные стороны двора, как

две стаи, а между нами бродил Монах и проверял, не загорелось ли что-нибудь. Тёма не выходил ни в час, ни в два. Я дважды подходил к решётке и звал. Из темноты никто не отвечал. Потом мне показалось, что внизу что-то стучит. Ровно, будто гаечным ключом по трубе. Раз. Раз. Раз.

— Батареи остыли, вот и стучат, — сказал Рус у меня за плечом. Без насмешки, в первый раз за ночь.

— Здесь нет батарей двенадцать лет.

Он промолчал.

В три часа семнадцать минут экран у меня моргнул и застыл. Я посмотрел на Пчелу, потом на Дэна. У всех одно и то же: 03:17. Секунды не шли.

Снег перестал падать. Не закончился: именно перестал. Тысячи хлопьев повисли в воздухе, как конфетти на замёрзшей фотографии. Я протянул руку и коснулся одной. Она не растаяла. Холодная, твёрдая, почти колючая.

Из-под земли донёсся голос. Ровный, спокойный, безразличный, каким объявляют номера в очереди.

— Один.

Хлопья рухнули разом, с мягким шорохом, и время побежало дальше. Кто-то из Гаражных закричал.

Мы бежали, забыв про Линию, про стрелку, про всё, и в лаз лезли по трое сразу. Фонарики плясали по стенам. Лестница, коридор с обвалившимся потолком, ржавые двери, большой зал, где когда-то стояли котлы. Пол был сухой. Совсем сухой, хотя мы принесли столько снега на подошвах.

Тёмы там не было.

У самой шахты лежала красная шапка. Я поднял её. Она была тёплой, как будто с головы только что сняли.

Над шахтой всю стену покрывали чёрточки, нарисованные мелом. Десятки, сотни, группами по пять, перечёркнутые наискосок, как в кино про тюрьму. Старые, стёртые до серого. Ближе к краю свежее, потом совсем яркие. Последняя ещё осыпалась белой крошкой, и когда я поднёс фонарик, пыль тихо упала на пол.

— Глеб, — сказал Пчела очень спокойно. — Тут же раньше ничего такого не было.

За спиной по лестнице затопали быстрые шаги, и я узнал голос, и сердце у меня провалилось.

— Тёма! Тёма, ты здесь?! Мать тебя ищет, ты где, придурок?!

Лиля Морозова влетела в зал в расстёгнутой куртке, с мопедным шлемом в руке, который, видимо, забыла бросить. Остановилась. Обвела взглядом пустой зал, шапку у меня в руках, стену над шахтой.

И очень тихо спросила:

— Где мой брат?

Глава 2. Мальчик, которого не было

Лиля

До шести утра мы обыскали всё.

Котельную, снизу доверху, каждую трубу, в которую можно было заглянуть. Пустырь. Подвалы соседних пятиэтажек. Рус разбил всех на пары и погнал в разные стороны, и никто не спорил. Оказалось, что у людей, которые час назад хотели друг друга убить, очень быстро находится общее дело, если оно достаточно страшное.

Я шла вдоль гаражей с фонарём и звала Тёму, пока не сорвала голос. Потом поняла, что надо звать тише. Гаражи не отвечали, и кричать в пустоту стало страшно.

Когда небо на востоке посерело, ко мне подошёл Глеб Воронов. Бледный, как этот проклятый первый снег.

— Иди домой, — сказал он. — Вдруг он уже там.

Я хотела ответить, что Тёма никогда бы не пошёл домой, не сказав ни слова. Что он упрямый, что он сидел бы в углу котельной до утра, лишь бы не признаться, что ему страшно. Но я кивнула. Потому что больше ничего не оставалось. И побежала.

В подъезде всё было как всегда: скрипучая дверь, лифт не работает, на третьем этаже пахнет жареным луком. Самый обычный запах на свете. Мне даже стало легче: в мире, где так пахнет, не может случиться ничего страшного.

Я открыла дверь своим ключом. В коридоре горел свет.

— Явилась, — сказала мама из кухни. Не зло, устало. — Хоть бы позвонила. Я полночи у окна простояла.

Гульнара Морозова работает медсестрой в районной поликлинике и умеет говорить так, что упрёк звучит как забо-

та. Она стояла у плиты в рабочем халате, помешивала овсянку, волосы небрежно собраны. Как всегда по утрам.

— Мам, Тёма дома?

Она обернулась. Я запомнила её лицо навсегда. Спокойное, вежливо-недоумевающее, лицо человека, которого спросили на незнакомом языке.

— Кто?

— Тёма. Мой брат. Твой сын.

— Лиль. — Мама отложила ложку. — Ты где была? С кем?

— Мам, я серьёзно. Артём. Тринадцать лет. Он вчера в красной шапке уходил, ты ему помпон пришивала.

На плите зашипела каша. Мама не двигалась. Я видела, как у неё меняется лицо, но не так, как у человека, который что-то вспоминает. Скорее как у человека, который боится за собеседника.

— У меня нет сына, — сказала она осторожно. — Лиля. Солнышко. У меня только ты.

Я обошла её, открыла шкафчик и достала тарелки. Одну. Вторую. Третью. Так делали каждое утро с тех пор, как папа уехал: нас трое, три тарелки. Мама молча смотрела, как я расставляю их на столе. Потом медленно подошла к шкафчику, посмотрела на пустую полку и сказала странным голосом:

— Странно. Я вчера вечером доставала три тарелки. Ты не пришла, и я их убрала. Зачем три?

Она замолчала. У неё в горле застрял вопрос, который она не могла сформулировать, потому что не знала, что спрашивать.

Я вышла из кухни.

Вторая комната была забита. Зимние шины в углу. Швейная машинка. Гладильная доска у стены. Пыль на всём, и по тому, как она лежала, было понятно: здесь никто не жил много лет. Ни кровати у окна. Ни полки с самолётами, которые он клеил. Обои светлее там, где стоял стол.

На косяке, на уровне моего пояса, остались карандашные засечки. Мой рост: восемь лет, девять, десять. Потом голое дерево. Я знала, что рядом с каждой моей чертой была вторая, пониже, подписанная кривым «Т.». Я сама их рисовала, держа линейку на макушке у вертящегося брата.

Теперь на их месте не было даже следов.

Я достала телефон. Руки тряслись. Четыреста двенадцать фотографий. Я листала, и сердце колотилось всё сильнее. Мы на Новый год. Я на мопеде. Мы на пляже. Везде я, и рядом со мной что-то не так: рука, обнимающая воздух. Плечо, на которое опирается невидимая голова. Лицо, повёрнутое к пустому месту и смеющееся. На одной фотографии я держала над головой булку и улыбалась в камеру. Я помнила, что булка была для Тёмы, он должен был за ней прыгать. Теперь булка висела над пустотой.

В кармане куртки нашлась бумажка. Обёртка от жвачки, смятая, с арбузом. Тёма дарил такие, когда хотел помирить-

ся: пустые, с серьёзным лицом, «это тебе, я сохранил». Я сжала её в кулаке и стояла так, пока не затекла рука.

Мама появилась в дверях осторожно, как возле незнакомой собаки.

— Лиль. Давай я тебе чаю. Может, к врачу сходим?

— Не надо. Всё нормально.

Это была ложь, и она это знала, но промолчала. Я вышла, закрыла за собой дверь и на лестнице услышала, как мама шёпотом говорит сама себе: «Три тарелки. Странно».

Во дворе соседка с четвёртого, Нина Петровна, расчищала снег у подъезда. Она из тех бабушек, которые знают всех и всё. Я остановилась, потому что надо было проверить.

— Нина Петровна, вы Тёму не видели? Морозова? Мой брат?

Она опёрлась на лопату и посмотрела на меня сочувственно.

— Лилечка, у Гули одна дочка. Ты. Какой брат?

— Вы же его знаете! Он вам в прошлом году лифт чинил, вы ему пирожков...

— Милая, — мягко сказала она, — ты бы поспала.

Я пошла прочь, не оборачиваясь, потому что знала: если обернусь, увижу, как старуха крестится мне вслед.

На пустыре за пятиэтажками было много следов. Целая тропа: люди шли к котельной, а не от неё. Я пошла по ней.

В зале с котлами горели три фонарика, поставленные на

пол кругом. Вокруг сидели те, кого я могла пересчитать по пальцам. Глеб. Пчела. Дэн. Рус. Марат. Монах. И девчонка из Девятки в вязаной шапке, Вика. Восемь человек. Кто-то принёс термос. Никто не пил.

— Остальные ушли? — спросила я.

— Остальные ничего не помнят, — ответил Монах. Голос у него был спокойный, как у врача, который объясняет диагноз. — Мы с Викой обзвонили человек десять. Дэну мать сказала, что он ночью спал дома. Одному из Гаражных написали, он ответил: «Какая стрелка? Мы же не договорились». Одиннадцать человек из девятнадцати не помнят ни Тёму, ни ночь, ни котельную.

— А мы?

— А мы стояли ближе всех к стене, — сказал Глеб. Он сидел сгорбившись и мял в руках красную шапку, как будто согревал. — Мы были внутри, у шахты. Услышали счёт и увидели метки.

Я молча села на пол между Пчелой и Маратом. Марат дёрнулся, но я не заметила. Глеб протянул мне шапку.

Она была тёплой. Всё ещё тёплой, через шесть часов. Я прижала её к лицу и впервые за ночь заплакала. Тихо и очень сердито.

— Это вы, — сказала я сквозь слёзы. — Это вы с вашей дурацкой стрелкой. Вы отправили его туда на спор.

— Я отпустил, — сказал Глеб.

— Он сам хотел, — начал Марат и тут же замолчал, пото-

му что Рус посмотрел на него так, что стало ясно: не сейчас.

Глеб не стал оправдываться. Я потом вспоминала это не раз: единственный человек в тот момент, который не пытался переложить вину. Он просто сидел и принимал её, как принимают удар, когда не собираются отвечать.

— Если вы поможете, — сказала я наконец, вытирая лицо рукавом, — если реально поможете мне его вернуть, тогда я потом решу, что с вами делать. Но сначала вернуть.

— Договорились, — сказал Рус.

Монах всё это время ходил вдоль стены с фонариком, медленно, как по музею. Он остановился у самого края и вдруг сказал:

— Подойдите сюда. Все.

Мы подошли.

— Смотрите. Метки идут группами по пять. А справа от каждой группы вот здесь, — луч упёрся в стену, и я увидела почти стёртые цифры, нацарапанные гвоздём или ключом, — год. Тысяча девятьсот шестьдесят третий. Семьдесят девятый.

Луч двигался вправо, цифры становились чётче.

— Девяносто четвёртый.

— И что? — спросил Рус.

— И то, что это не Кочегар подписывался. — Монах опустил фонарик. — Кто-то из людей приходил сюда год за годом и записывал. Значит, кто-то знает, что здесь происходит. А значит, знает, как это останавливать.

Глава 3. Перемирие до рассвета

Костя

Я не люблю слово «судьба». Оно ленивое: удобная этикетка на всё, что лень объяснять. Но когда в субботу утром я стоял в одной шеренге с Глебом Вороновым и Русланом Хабировым перед дверью районной библиотеки и ждал, пока нам откроют, мне пришлось признать: бывают совпадения, которые похожи на чей-то замысел.

Ночью никто не ложился. После котельной мы разошлись по домам, переоделись, убедились, что мир остался прежним, и собрались снова. На этот раз в Викином гараже: у неё там обогреватель и чай.

Вика достала блокнот. Она ведёт его с восьмого класса. Записывает всё: кто с кем дружит, кто кому должен, у кого мать работает в паспортном столе. Сейчас она листала страницы и говорила тихо, как говорят про больного:

— Тёмы нет. Тут были заметки про него: что носит шапку даже в июне, что у него аллергия на мёд. Страницы на месте, а слов нет. Будто ластиком стёрли, только следа не осталось.

— Значит, стирают не только память, — сказал я. — Стирают всё.

— Не всё, — отозвалась Лиля. — У меня осталась обёртка.

Она держала в кулаке смятую бумажку. Я посмотрел на

неё и ничего не сказал. Я вообще не говорю, когда нечего добавить, и считаю это лучшим из своих качеств.

К утру у нас было два вывода. Первый: помнят те, кто стоял у стены в момент «счёта». Второй: надписи с годами сделал человек, который ходил в котельную год за годом. Значит, жил в районе давно и мог что-то знать. Вика принялась искать. Через час у неё было три имени, через два остался один адрес.

— Районная библиотека, улица Мира, восемнадцать. Заведующая Ливанова Ирина Павловна. Двадцать восемь лет в одной должности. Автор книги «Заречье. История района, 1963–1993». В приложении фотография котельной.

— Откуда ты знаешь про приложение?

— Я читаю предисловия. Люди там врут больше всего.

Библиотека занимает бывший детский сад: приземистое здание с облезлыми окнами и ржавой горкой во дворе. Дверь открыла женщина лет пятидесяти пяти, в сером кардигане, с короткой седой стрижкой. Минуту она просто смотрела на нас.

Восемь человек. Среди них очевидные враги: Рус нарочито стоял в стороне от Глеба, Дэн жался плечом к Пчеле. Восемь. Именно восемь.

Лицо у женщины изменилось. Не от испуга, нет. Так меняется лицо у человека, который двадцать лет ждал письма, а теперь увидел конверт на коврике. Она на глазах сбросила

усталость, как тяжёлое пальто.

— Заходите. Быстро. И дверь заприте.

Внутри пахло клеем, старой бумагой и мастикой. Она провела нас между стеллажами в комнатку с чайником, перевернула табличку «Закрыто на учёт» и вышла. Вернулась с чем-то, завёрнутым в чистую тряпку.

Школьная тетрадь в клетку. Обложка с таблицей умножения, потёртая, обмотанная резинкой для волос. Ирина Павловна положила её на стол так, будто боялась уронить.

— Я ждала, — сказала она. — Не вас лично. Но знала, что однажды кто-нибудь придёт и спросит. Всегда спрашивают слишком поздно. Но хоть кто-то спрашивает.

— Что здесь происходит? — Рус стоял, скрестив руки. Он не собирался садиться, пока не получит ответ.

— Сядь, Руслан.

Он вздрогнул. Она назвала его по имени. Рус сел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.